Юлия Стэфани Херрера

СЕРИЯ «Я НЕ ЗЛЮСЬ»

КНИГА 8

Я не злюсь. Пассивная агрессия

Молчание, саботаж, опоздания: злость, которую не видно

Юлия Херрера

Я не злюсь. Пассивная агрессия. Молчание, саботаж, опоздания: злость, которую не видно

https://litres.ru/74760907
SelfPub; 2026

Аннотация

«Всё нормально». «Я не обиделась». «Делай как хочешь».

Вы произносите эти слова, когда внутри всё кипит? Замолкаете после ссоры, отвечаете холодно, откладываете чужие просьбы — и надеетесь, что человек сам поймёт, чем вас задел?

Лена годами считала себя спокойной и неконфликтной. Она не кричит, не устраивает скандалов и почти никогда не говорит «нет». Но её молчание разрушает отношения с близкими и мешает на работе.

«Я не злюсь. Пассивная агрессия» — восьмая книга серии «Я не злюсь» о пассивной агрессии, невысказанных обидах и страхе открытого конфликта.

Через историю Лены вы научитесь замечать скрытую злость, отличать паузу от наказания молчанием и говорить о недовольстве без обвинений.

Внутри — психологические разборы, готовые фразы, письменные упражнения и практикум.

Ведь иногда, чтобы сохранить близость, нужно перестать делать вид, что всё нормально.

Содержание

Часть первая. Как это выглядит 6
Глава 1. Ничего не случилось 6
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Я не злюсь. Пассивная агрессия. Молчание, саботаж, опоздания: злость, которую не видно

Херрера Юлия Стэфани

Серия «Я не злюсь». Книга 8

Я не злюсь. Пассивная агрессия.

Молчание, саботаж, опоздания: злость, которую не видно.

16+

Часть первая. Как это выглядит

Глава 1. Ничего не случилось

В понедельник в девять сорок Олег стоит у её стола.

— Елена Дмитриевна, — говорит он. — Заявка. До двенадцати.

Лена поднимает глаза от монитора.

— Какая заявка?

— На конкурс. Я вам в пятницу скинул. Вы сказали, что отправите.

— Я думала, что отправила, — говорит Лена.

— Не пришло.

— Не может быть.

Она открывает почту. В папке «Отправленные» пусто. Открывает «Черновики» — письмо там. С тем самым вложением. Стоит дата: пятница, 18:12.

Весь выходной письмо пролежало в черновиках. И второй тоже.

— Ах, — говорит Лена. — Наверное, не ушло. Связь.

Олег смотрит на неё.

— До двенадцати, — повторяет он. — Если не отправить до двенадцати, нас не допустят.

— Я отправлю сейчас.

Он не уходит.

— Елена Дмитриевна. Я в пятницу два раза спрашивал.

— Олег, — говорит она, и голос у неё становится мягким, почти певучим. — Ну что ты как маленький. Я же сказала: отправлю сейчас.

Он ещё секунду стоит.

Потом уходит.

Лена нажимает «Отправить». Письмо уходит за две секунды.

Она сидит и смотрит на экран, где написано «Письмо отправлено».

И ничего не чувствует.

⁂

В половине двенадцатого её вызывает Сергей Николаевич.

Он говорит негромко. Лена давно привыкла к этой манере и умеет по ней различать несколько степеней недовольства.

— Заявку отправили?

— Отправили.

— Олег сказал, что она три дня лежала в черновиках.

— Да. — Лена смотрит ему в глаза. — Я не отправила вовремя. Это моя ошибка.

— Почему?

— Не знаю.

Сергей Николаевич откидывается в кресле.

— Лена. Вы у меня одиннадцать лет. Вы ни разу не сорва-

ли срок. — Он крутит в пальцах ручку. — Что случилось?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем.

Он смотрит на неё долго, и она выдерживает взгляд, потому что говорит правду. Она действительно не знает, что случилось.

— Ладно, — говорит он. — Тендер мы, скорее всего, всё равно не выиграем. Но вы разберитесь.

— Хорошо.

— Не «хорошо». — Он кладёт ручку. — Я не про заявку. Я про вас. У вас лицо, как будто вы неделю не спали.

Лена улыбается — вежливо, ровно, той улыбкой, которую отрабатывала годами.

— Я в порядке, Сергей Николаевич.

⁂

В двенадцать она идёт в переговорную, где стоит окно во всю стену, и десять минут смотрит на парковку.

Не плачет. Не трясётся. Просто стоит.

В отражении видно женщину тридцати восьми лет, в серой блузке, с аккуратной стрижкой. Женщину, про которую на работе говорят: «Лена? Лена спокойная».

Она и есть спокойная. Она никогда не повышает голос. Она не хлопает дверями. Она не устраивает сцен. За одиннадцать лет в этой фирме она ни разу ни с кем не поссорилась — и это её главное достижение, которым она тайно гордится.

Только почему-то у неё сжимаются челюсти к вечеру так, что утром трудно жевать.

И почему-то за последние полгода три человека ушли из её отдела, и все три на выходе сказали примерно одно и то же: «С вами невозможно работать». Не «вы плохой бухгалтер». Не «вы некомпетентны». Именно это.

Одну из них звали Наташа. Она работала у Лены четыре года, знала всё, и уходила в никуда — просто написала заявление в пятницу и в понедельник не пришла.

Лена тогда спросила:

— Наташ. Объясни. Что я сделала?

Наташа стояла в дверях с коробкой.

— Ничего, — сказала она. — В том и дело.

— Я не понимаю.

— Вы никогда ничего не делаете, — сказала Наташа. — Вы просто перестаёте разговаривать. И всё. И я три дня хожу и думаю, что я сделала не так. А потом выясняется, что ничего. Или что-то, о чём вы мне не сказали.

— Я с тобой разговариваю.

— Вы со мной здороваетесь. Это не то же самое.

Лена тогда обиделась. Не показала, конечно. Сказала: «Ну, если ты так чувствуешь, я не буду тебя держать». И весь день после этого была подчёркнуто вежливой — приносила Наташе кофе, спрашивала, как дела, желала хороших выходных.

Наташа ушла через две недели. Не попрощавшись.

Сейчас, стоя в переговорной, Лена впервые за полгода подумала: а что, если Наташа была права.

И сразу же — вторая мысль, привычная, тёплая, спасительная: «Она просто не выдержала темпа».

⁂

В пятницу всё началось с квартального отчёта.

Она сидела до восемнадцати, потому что квартальный отчёт. Олег подошёл в половине шестого:

— Елена Дмитриевна, заявка. Мне бы сегодня.

— Да, — сказала она. — Сейчас.

И не сделала.

Не забыла — забыть она не могла, она помнила. Просто не сделала. Открыла файл, посмотрела на цифры, закрыла. Потом ещё раз открыла и опять закрыла. Потом написала письмо, прикрепила вложение — и не отправила.

Ещё в четверг на планёрке Олег сказал:

— А вот в прошлом квартале Елена Дмитриевна дала прогноз, который не сошёлся на восемь процентов. Может, в этот раз кто-то проверит за ней?

Он сказал это не грубо. Он сказал это ровно, как факт, и все кивнули, потому что он был прав.

Лена помнит, как в этот момент посмотрела на свои руки. Руки лежали на столе, пальцы были сцеплены, и она подумала: «Разожми».

Она не разжала.

— Спасибо, Олег, — сказала она вслух. — За внимательность.

ность.

— Не за что, — сказал он. — Просто чтобы в этот раз не было сюрпризов.

— Не будет.

И улыбнулась.

После планёрки к ней подошла Вика — новенькая, пришла в отдел в сентябре, двадцать шесть лет, — и сказала:

— Елена Дмитриевна, а вы не обиделись?

— На что?

— Ну, он же при всех.

— Он прав, — сказала Лена. — Обижаться не на что.

Вика посмотрела на неё странно и отошла.

А вечером Лена сидела в машине на парковке сорок минут и не могла поехать домой. Не плакала. Просто сидела и смотрела, как дворники сметают листья.

И думала: «Восемь процентов. Ну и что, что восемь процентов. Он мог сказать это один на один».

В пятницу утром Лена села за отчёт и до вечера не вспоминала об этом разговоре.

Она не связала одно с другим. Совсем. Даже когда увидела «Черновики», первая мысль была: «Надо проверить, что с почтой».

Связала она только в понедельник, в переговорной, глядя на парковку.

И тогда ей стало страшно.

⁂

В половине третьего Олег пересылает ей квитанцию. Не пишет «спасибо», не ставит точку после «принято»: просто пересылает письмо с номером. Лена собирается закрыть его, но открывает вложение. Там всё как должно быть: название фирмы, время отправки, её фамилия. Она распечатывает лист и идёт к Олегу.

Он говорит по телефону, одной рукой пытается открыть пачку скрепок. Картон расходится, скрепки падают в ящик. Лена ждёт. Когда разговор заканчивается, он поднимает глаза:

— Что-нибудь не так?

Ей хочется сказать «да нет, я только квитанцию». Она кладёт лист перед ним и замечает, что принесла один экземпляр, хотя могла распечатать два. У неё самой теперь останется только письмо.

— В пятницу я обещала отправить и не отправила. Ты дважды за этим приходил. Извини.

Олег берёт лист, смотрит на номер.

— Я ждал до половины седьмого. Думал, ты попросишь меня проверить вложение.

Лена об этом не знала. Она уходила позже, выключала лампу у секретаря и была уверена, что к тому времени Олег давно дома.

— А потом я решил, что ты на меня злишься, — говорит он. — И ушёл.

Она успевает вдохнуть, чтобы ответить «на что мне злить-

ся». Потом вспоминает, как в понедельник утром назвала виноватой связь. У Олега на столе лежит открытая коробка. Одна скрепка осталась в сгибе.

— Я обещала отправить сама, и тебе не пришлось бы ждать, если бы я предупредила. Сейчас мне надо понять, кто проверяет подтверждения и где мы их храним.

Олег перестаёт вертеть лист. Говорит, что складывает их в общий каталог, но ей об этом ни разу не сказал. Открывает папку и показывает, где искать. В ней две заявки без подтверждения. Одна прошлогодняя, другая ещё в работе. Лена садится рядом, и они решают, какой день поставить в календаре для проверки. Про планёрку она так и не говорит. Олег больше не спрашивает.

Не всякое несделанное дело — попытка задеть другого. В понедельник Лена могла бы проверить связь. Но она помнила, как в пятницу закрыла готовое письмо. В этом случае ей предстояло разобраться не с почтой, а с тем, почему она решила отложить отправку, хотя срок был ей известен.

Повторение даёт повод присмотреться. Если задачи по одному проекту регулярно задерживаются, полезно сверить сроки, распределение работы и свои реакции на замечания. Одного совпадения недостаточно, чтобы назвать чужой поступок намеренным.

Иногда человек действительно устал или запутался в поручениях. Это можно проверить по тому, какие ещё задачи пострадали и была ли возможность предупредить. Лене не

требовалось доказывать умысел даже самой себе, чтобы признать задержку и договориться о новом порядке работы.

Путать с мягкостью. Мягкость — это когда вы никого не раните. Пассивная агрессия — это когда вы раните и не признаётесь. Снаружи похоже, изнутри — противоположное.

Оправдываться обстоятельствами. «Почта не ушла», «телефон разрядился», «я думала, он сам проверит». Один раз это может быть правдой. Если это ваш типичный ответ, дело не в почте.

Ждать, что другой догадается. Он не догадается. Он увидит только результат: заявка не ушла, встреча сорвалась, чашка стоит на месте. Причину он придумает сам, и она будет хуже правды.

Считать себя жертвой. Самое опасное: вы действительно чувствуете себя жертвой. Вас задели, вы не смогли ответить, вы «случайно» не отправили письмо — и теперь вас же и винят. Круг замыкается, и выхода из него не видно.

Пассивная агрессия — это злость, которой запретили выходить напрямую.

Человек, который её использует, обычно не чувствует себя злым. Он чувствует себя уставшим, непонятым, обязанным. Он годами учился тому, что злиться нельзя: что за злость наказывают, что хорошие девочки не кричат, что конфликт — это катастрофа. И злость нашла обходной путь.

Обходных путей немного, и все они узнаваемы.

Молчание. Вы перестаёте разговаривать — не демонстра-

тивно, а «просто не о чем». Другой человек не понимает, что произошло, и начинает искать причину в себе. Это самое эффективное оружие, потому что оно не оставляет следов.

Отсрочка и забывание. Вы «не успели», «не увидели письмо», «думали, что это не срочно». Формально вас нельзя упрекнуть: вы же не отказали. Фактически вы отказали, но так, что виноватым оказался просящий.

Опоздания. Каждые десять минут опоздания — это тихое «я не считаю ваше время важным». Особенно если опаздываете вы всегда и только к определённым людям.

Сладкий голос. «Милочка, ты уверена?» «Ну, если ты так решила». «Я не буду спорить, тебе виднее». Вежливо до приторности — и точно в больное место.

Шутка. «Я же пошутила, что ты, шуток не понимаешь?» Шутка — идеальный канал: сказал гадость и остался хорошим. А если человек обиделся, виноват он: не умеет держать удар.

Саботаж. Вы делаете работу, но так, что её приходится переделывать. Или делаете ровно по инструкции, зная, что инструкция плохая. «Я сделала, как написано».

Общее у всех форм одно: удар наносится, а руки остаются чистыми.

Почему это разрушительнее открытого конфликта.

Прямая ссора заканчивается. Люди выговорились, что-то поняли, помирились или разошлись. Пассивная агрессия не заканчивается никогда: она тлеет. Жертва не знает, что про-

исходит, и не может ответить — отвечать не на что. Она начинает сомневаться в себе, а это самое дорогое, что можно отнять у человека.

И второе: агрессор тоже платит. Тело не различает «я промолчала» и «я не злилась». Челюсти, шея, плечи, желудок, сон — всё это счёт, который придёт.

И третье, самое неприятное: пассивная агрессия не проходит сама. Она не «перерастается» и не «уходит с возрастом». Наоборот: с годами репертуар оттачивается, и человек, который в двадцать пять просто дулся, в сорок пять управляет целым отделом при помощи молчания — и искренне считает себя добрым.

Проверить себя можно одним вопросом: после разговора с вами людям становится легче или тяжелее? Не после ссоры — после обычного разговора. Если почти всегда тяжелее, а вы при этом «ничего не делали», — дело не в людях.

Выход один, и он неприятный: научиться говорить прямо. Не потому, что это приятно, а потому, что альтернатива хуже — для всех.

Как вы молчите: совсем не разговариваете или говорите только по делу?

Какие шутки вы говорите про людей, на которых злитесь?

Что происходит с вашим телом к вечеру: челюсти, шея, плечи, желудок?

⁂

Во вторник утром Олег приносит ей кофе.

Не из вежливости — он такой человек. Он ставит стаканчик на стол и говорит:

— Елена Дмитриевна. Я не в обиде, честно. Но давайте в следующий раз я буду сам отправлять.

И Лена слышит свой голос:

— Конечно, милый. Так даже лучше.

Он кивает и уходит.

А она сидит со стаканчиком в руках и понимает, что «милый» — это не ласковое слово. Это пощёчина, завёрнутая в вату. И Олег её даже не заметил.

Зато заметила она.

⁂

Днём Вика приносит ей свою записку — ту, которую завтра отдают директору.

— Елена Дмитриевна, посмотрите, пожалуйста. Я впервые сама.

Лена читает. Видит ошибку в третьем абзаце: перепутаны месяцы, декабрь вместо ноября. Не катастрофа, но если директор заметит, Вика будет выглядеть неаккуратной.

Лена могла сказать: «Вот здесь поправь».

Она говорит:

— Милочка, всё хорошо.

— Правда?

— Правда. — Лена возвращает лист. — Ты умница.

Вика уходит сияющая.

А Лена думает: «Пусть отдаст. Если заметит — научит-

ся. Если не заметит — не моя проблема, я не проверяю за взрослыми людьми».

На следующий день Сергей Николаевич вызывает обеих.

— Виктория, — говорит он. — Ноябрь и декабрь.

Вика краснеет.

— Я… я показывала Елене Дмитриевне.

Сергей Николаевич поворачивается к Лене.

И Лена говорит — спокойно, вежливо, с той самой улыбкой:

— Я смотрела. Видимо, пропустила. Извините.

Вика смотрит на неё.

Она не врёт. Она действительно пропустила — в том смысле, что не посчитала нужным сказать.

Когда они выходят в коридор, Вика говорит:

— Елена Дмитриевна.

— Да?

— Вы же видели.

— Что видела?

— Месяцы. Вы же читали.

Лена останавливается.

— Вика. — Голос у неё мягкий, ровный, почти нежный. — Если ты не уверена в своей работе, не надо искать виноватых. Все ошибаются.

Вика открывает рот, чтобы что-то сказать.

И закрывает.

А Лена идёт дальше по коридору и чувствует, как у неё

горят щёки — не от стыда, а от чего-то другого, горячего и приятного. Как будто она выиграла.

Она ненавидит это чувство.

Но оно есть.

Она заходит в туалет, закрывает дверь и стоит, держась за раковину, ровно минуту. Потом моет руки и возвращается.

⁂

Дома Павел спрашивает:

— Как день?

— Нормально.

— Совсем нормально?

— Совсем.

Он кивает и уходит на кухню. Гремит чайником. Спрашивает из кухни:

— Тебе заварить?

— Да.

Она садится на диван, не снимая блузки, и смотрит в выключенный телевизор.

Через минуту он приносит две чашки, ставит свою на стол, а её — на подлокотник, осторожно, чтобы не расплескать.

— Спасибо.

— Лен.

— Что?

— Ты сегодня дверью хлопнула.

— Я не хлопала.

— Хлопнула, — говорит он спокойно. — Я в коридоре стоял.

— Дверь тяжёлая.

Павел смотрит на неё.

— Ладно, — говорит он. — Тяжёлая.

И уходит к себе — в комнату, где стоит его компьютер и где он сидит по вечерам, когда «всё нормально».

Лена остаётся с чашкой.

Она знает, что соврала. Не про дверь — дверь она действительно толкнула сильнее, чем нужно. Она соврала про «нормально».

Но сказать «я злюсь на Олега, потому что он при всех ткнул меня в прошлый квартал, и я вместо того, чтобы ответить, не отправила ему заявку, и теперь весь отдел считает меня или раздолбаем, или сволочью» — это слишком много слов. Слишком прямо. Слишком опасно.

Проще сказать «дверь тяжёлая».

Она делает глоток.

Чай с жасмином, как она любит. Павел всегда помнит, какой она любит.

И от этого почему-то становится ещё хуже.

Она ставит чашку на стол — слишком аккуратно, без единого стука, и идёт в спальню.

Ночью, в половине двенадцатого, звонит Женя.

Женя — единственная подруга, которая осталась с института, и единственная, кто говорит ей правду без предисло-

вий.

— Ты в субботу свободна?

— Не знаю. Наверное, работа.

— Ты мне это говоришь третий раз.

— Я не специально.

— Лен. — Пауза. — Я тебе предлагаю не подвиг. Кофе. Час.

— Жень, у меня отчёт.

— Хорошо, — говорит Женя. — Я поняла.

И вот здесь Лена делает то, что делает всегда: слышит в её голосе холод и сразу начинает оправдываться.

— Ты обиделась?

— Нет.

— Ты обиделась, я слышу.

— Лена. — Женя вздыхает. — Я не обиделась. Я злюсь.

— Как это?

— Обыкновенно. — Пауза. — Мне неприятно, что я три раза предлагаю, а ты три раза находишь причину. Я говорю это вслух. Всё.

Лена молчит.

— Ты сейчас что делаешь? — спрашивает Женя.

— Ничего.

— Ты сейчас сидишь и думаешь, что я ужасная.

— Я так не думаю.

— Думаешь, — говорит Женя. — Но это ничего. Я тебя всё равно люблю. В субботу в три, кафе на Садовой. Если не

придёшь — я не обижусь, но перестану предлагать.

Она кладёт трубку.

Лена сидит в темноте с телефоном и чувствует, что её трясёт. Не от слёз. От того, что кто-то сказал «я злюсь» и при этом не исчез.

В её опыте так не бывало. В её опыте после «я злюсь» всегда наступало что-то другое: тишина на три дня, вежливость до тошноты, «делай как хочешь» с поджатыми губами.

⁂

Во вторник, когда Лена выходит из кабинета за бумагой, у большого принтера стоит Олег. На столике перед ним растёт стопка одинаковых листов. Он вынимает каждый, загибает угол и кладёт лицом вниз. Лена ждёт, пока он обернётся. Ей нужно напечатать договор на двух страницах; в своём кабинете она уже дважды послала его на печать и получила сообщение, что устройство занято.

— Что-то заело? — спрашивает она.

— Нет. Подтверждение для папки.

Он переворачивает верхний лист. Это ответ от конкурсной комиссии, которого вчера к обеду ещё не было. Время получения — девять сорок восемь. Заявка допущена к рассмотрению. Под ответом мелким шрифтом стоит условие: в четверг организаторы могут позвонить и попросить пояснить сведения. Лена читает последнее предложение дважды. Вчера ей казалось, что вопрос закрылся, как только письмо ушло.

— А зачем столько экземпляров?

— Три. Себе, в папку и Сергею Николаевичу. Он просил показать, что нас приняли.

Лена кивает. Если бы Олег сказал, что это было зря, ей было бы проще. Она могла бы напомнить ему, что срок они не пропустили. Но он печатает три экземпляра, в которых стоит правильное время. Ни одной строчки про то, почему человек, готовивший заявку, в понедельник утром пришёл к её столу до того, как снял куртку.

Принтер перестаёт гудеть. Олег выбирает из стопки чистый лист и кладёт в лоток. Лена думает, что он сейчас нажмёт кнопку и выпустит её договор. Вместо этого он поднимает крышку и вытаскивает оттуда полоску бумаги. Это огрызок накладной, застрявший у края. Его никто не видел, пока листы не пошли слегка наискосок.

— Теперь должно получиться, — говорит он.

Она успевает сказать «спасибо» прежде, чем он заберёт распечатки. Он слышит и отвечает «пожалуйста». Это, наверное, единственное за два дня слово, которое каждый из них понимает одинаково.

На столике остаётся одна копия. Олег возвращается за ней уже после того, как Лена собрала свой договор. Ей хочется спросить, будет ли он в четверг у телефона. Он и так всегда у телефона. Но у организаторов в заявке указан её номер, потому что форма была оформлена от бухгалтерии. Если позвонят, он может не знать.

— Там про уточнения, — говорит она и показывает пальцем. — Они, если что, попадут на меня.

Олег смотрит на строку. Он рассчитывал, что позвонят ему. Лена видит это по тому, как он смотрит сначала на лист, потом на свой телефон. Ничего не говорит об этом. Можно было бы спросить, почему она не передала ему вчера копию отправленного письма. В заявке было отдельное поле, куда можно было вписать обоих.

— Если спросят про стоимость, у меня есть расчёт, — говорит Олег. — Вера из снабжения обещала до обеда ещё раз сверить цену.

— Пришли мне расчёт.

Она говорит это деловым голосом, почти холоднее, чем нужно. Олег не возражает. Они договариваются, где лежит файл. В четверг, если звонок будет, Лена сможет открыть нужный лист. Её всё ещё мучает вопрос, что он рассказал директору сверх того, о чём ей уже сказали. Она могла бы спросить у него прямо. Вместо этого поправляет договор в папке и пропускает Олега в коридор.

У себя она скрепляет листы и обнаруживает, что второй экземпляр напечатался с обратной стороны чьего-то черновика. На обороте стояло «Пятница» и несколько цифр. Ей хочется выбросить его и послать договор ещё раз. Потом она замечает, что дверь кабинета закрылась, а Олег до сих пор стоит у принтера. Он возвращает черновик туда, где его можно будет найти. Это занимает у него несколько секунд. Лена

открывает дверь.

— Олег. Если всё-таки позвонят, я отвечу, что по расчёту мне нужно будет свериться с тобой. Ты будешь в четверг на месте?

— До трёх. Потом выезд.

Она записывает это прямо на обложке. Три часа — достаточно внятный ответ. Если позвонят позже, она так и скажет: человек, который делал расчёт, сможет ответить утром. Не придётся говорить, что стоимость согласована, пока она этого не проверила.

В четыре Сергей Николаевич проходит мимо её двери и говорит, что видел подтверждение. Лена ждёт продолжения. Он спрашивает, готов ли договор, забирает папку и уходит. На всё у него уходит меньше минуты. Она сидит перед экраном и вспоминает, как утром собиралась вычистить из почты старые черновики, чтобы на них больше не смотреть. Теперь открывает вчерашнее письмо и пересылает Олегу полную копию. Тему переписывает: вместо «На всякий случай» — «Что отправили в понедельник». Потом идёт за чистой бумагой. У принтера лежит та самая полоска накладной. Лена берёт её с края столика и относит в корзину.

⁂

В среду Олег просит выгрузку по подрядчикам.

— В любом виде, — говорит он. — Хоть таблицей.

Лена делает выгрузку.

И отправляет её не таблицей, а сканом. Ровно как в регла-

менте: «выгрузка предоставляется в формате, утверждённом приказом номер двенадцать».

Олег пишет:

«Елена Дмитриевна, а можно таблицей? Я из скана не посчитаю».

Она отвечает:

«Регламент, приказ двенадцать. Если нужно иначе — письмо от Сергея Николаевича».

И откладывает телефон.

Потом сидит и смотрит в монитор, и понимает, что могла просто нажать «сохранить как». Тридцать секунд. Одно движение.

Она этого не сделала.

Не потому, что регламент. Регламент существовал три года, и три года она отправляла всем эксель, потому что это удобнее.

Она сделала это потому, что во вторник он принёс ей кофе и сказал «я не в обиде», и от этого «не в обиде» у неё до сих пор саднило где-то под грудиной.

⁂

Вечером она открывает ящик стола, достаёт папку с надписью «потом» — туда она складывает бумаги, с которыми не хочет разбираться, — и кладёт сверху заявку.

Потом достаёт и кладёт обратно.

Потом достаёт и рвёт.

И сидит над обрывками, как над чем-то, что она сделала

впервые в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.